P.
№ 3182

ГОЛОС ТРУДА

ОСВОБОЖДЕНІЕ РАБОЧИХ ДОЛЖНО БЫТЬ ДѢЛОМ САМИХ РАБОЧИХ. В ЕДИНЕНІИ — СИЛА!

Golos Truda
RUSSIAN WEEKLY

Условія Подписки:

В Соединенных Штатах		В Канаду и за-границу	
На 1 год	1 доллар	На 1 год	1 д. 50 с.
На 6 мѣсяцев	60 сент.	На 6 мѣсяцев	85 сент.
На 3 мѣсяца	35 сент.	На 3 мѣсяца	50 сент.
Цѣна отдѣльнаго номера 2 сента.		Цѣна отдѣльнаго номера 3 сента.	

За перемѣну адреса слѣдует доплатить 10 сентов.
Деньги на подписку слѣдует присылать в заказном письмѣ, почтовым переводом или марками, а не через посредство разных компаній (Канадійскія марки не принимаются).

Рукописи должны быть написаны четко, чернилами, на одной сторонѣ листа и имѣть подпись автора, с указаніем его адреса. Рукописи, признанныя неподходящими, уничтожаются, если на возврат их не были присланы почтовыя марки.

ОРГАН ФЕДЕРАЦІИ СОЮЗОВ РУССКИХ РАБОЧИХ СОЕД. ШТАТОВ И КАНАДЫ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ РАБОЧАЯ ГАЗЕТА — Выходит по Пятницам

АДРЕС РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ:
"Golos Truda", 586 East 140th St., New York, N. Y.

NO. 42 ЦѢНА 2 СЕНТА. New York, Friday, July 2, 1915. VOL. V

ЮНКЕРСКАЯ ОПАСНОСТЬ И НѢМЕЦКІЕ С.-Д.

В началѣ войны самым жгучим вопросом, волновавшим свободолюбивые элементы всего человѣчества, был слѣдующій: «чья побѣда опаснѣе для свободы народов, Россіи или Германіи?» В настоящій момент, когда с достаточной ясностью обнаружилось, что россійская армія далеко не обладает той грозной силой и непобѣдимостью, какую ей приписывали военные обозрѣватели союзных стран; болѣе того, когда выяснилось, что даже при том предположеніи, что Германія будет в концѣ концов побѣждена,— в роли дѣйствительных побѣдителей могут оказаться только ея западные противники, — теперь вопрос «о русской опасности» в прежнем смыслѣ снят ходом событій с очереди дня.

Разгром Германіи «союзниками» в том видѣ, в каком он рисовался в началѣ войны сторонникам послѣдних, т. е. скорѣе всего в видѣ побѣдоносного наступленія русских армій через Восточную Пруссію, Карпаты, или Силезію на Берлин, Вѣну и Будапешт — несомнѣнно имѣл бы послѣдствіем долголѣтнюю гегемонію в Европѣ укрѣпившагося послѣ побѣды также и внутри страны россійскаго самодержавія. В настоящій момент такой исход войны представляется совершенно невѣроятным. Послѣ галиційских пораженій и отступленія к своим собственным границам, очередной задачей Николая Николаевича должна стать теперь защита Варшавы и Риги от продолжающагося с большой энергіей германско-австрійскаго наступленія. Возобновленіе русскаго наступленія, хотя бы даже через полгода, не представляется в настоящій момент правдоподобным.

Но если теперь разсѣялся кошмар «россійской опасности», то угроза подчиненія всей Европы юнкерской Пруссіи, как будто начинает принимать все болѣе реальныя формы. И многіе, даже из числа тѣх, кто с чувством удовлетворенія узнали об очищеніи Галиціи от безобразничавших там русских командиров, чиновников и попов, вмѣстѣ с тѣм со страхом спрашивают себя: «не означает ли пораженіе царской арміи приближенія торжества в Европѣ германской милитаристской и имперіалистической клики?»

Нельзя, конечно, отрицать того, что до извѣстной степени эти опасенія оправдываются нынѣшним положеніем. Если Россія заключит сепаратный мир с Германіей, и послѣдняя будет обезпечена от нападенія с востока (балканскія державы останутся, конечно, в таком случаѣ нейтральными), она с помощью Австро-Венгріи, надо полагать окажется достаточно сильной для того, чтобы разбить французов, англичан и итальянцев. Послѣ такого исхода войны, дамоклов меч германскаго милитаризма надолго навис бы над народами Европы, задерживая в их средѣ всякія попытки движенія вперед. Но печальнѣе всего такая побѣда отразилась бы на нѣмецком народѣ, который был бы еще болѣе милитаризован и дисциплинирован для цѣлей германскаго государства.

Но такой исход устрашает не одних только противников Германіи. Значительная часть нѣмецкаго народа и прежде всего нѣмецкіе соціальдемократы (в своем большинствѣ) также прекрасно сознают, что полное торжество Германіи означало бы банкротство в странѣ демократических начал и крах могущественной соц.-демократической партіи. И так как нѣмецкіе с.-д. не только «патріоты своего отечества», но вмѣстѣ с тѣм также и «патріоты своей партіи», то германское правительство отлично сознает, что в своей войнѣ против одних лишь западных держав оно не может расчитывать на ту поддержку, которую ей оказывает соціальдемократія теперь, когда война ведется также и против царской Россіи. Если же Вильгельм с его военной и имперіалистической кликой не знали этого раньше, то они узнали об этом в концѣ прошлой недѣли, когда центральный орган германской с.-д. партіи, «Форвертс» напечатал призыв к немедленному заключенію мира.

Обосновывая, как и во все время войны, поддержку, оказанную с.-д. партіей правительству, необходимостью защитить страну от вторженія царских войск, манифест партіи указывает, что в настоящій момент Германія обезпечена от вторженія непріятеля и что поэтому правительство обязано взять на себя иниціативу в переговорах о заключеніи мира. Манифест призывает также и соціалистическія партіи других стран оказать давленіе на свои правительства в направленіи заключенія мира, вмѣсто того, чтобы поддерживать их в их стремленіи вести войну до полнаго разгрома Германіи. Нѣмецкіе с.-д. упускают при этом из виду, что если бы французскіе соціалисты исходили из тѣх же предпосылок, из которых они исходят в своем манифестѣ, то для французов было бы еще рано говорить о мирѣ, пока значительная часть французской территоріи занята нѣмцами.

Но мы уклонились в сторону. Так или иначе, но германская с.-д. партія послѣ пораженія, нанесеннаго царской арміи, поспѣшила выступить с рѣшительным требованіем мира. Всѣм извѣстна огромная роль, которую играет в соціально-политической жизни страны нѣмецкая соціальдемократія. Теперь считается установленным фактом, что только всестороннее содѣйствіе с.-д. партіи и ея патріотическая работа в арміи и в тылу обезпечили германскому правительству удачное веденіе кампаніи. Германскіе правящіе круги не могут не считаться с волей и стремленіями соціалистической партіи. Нѣт никакого сомнѣнія в том, что послѣ заключенія сепаратнаго мира с Россіей, если таковой будет заключен, германская соціальдемократія выступит в еще болѣе категорической формѣ против продолженія войны. Трудно, конечно, предсказывать в какія формы может вылиться противодѣйствіе войнѣ со стороны нѣмецких с.-д. Но даже одно пассивное их сопротивленіе, т. е. пріостановка той громадной, разносторонней работы, которую выполняли партійныя организаціи на помощь арміи и государству, имѣла бы большія послѣдствія, которыя правительству приходится учитывать уже теперь. Да и вся остальная народная масса, хотя и ослѣпленная ненавистью к англичанам, не захочет продолженія этой безконечной войны, когда она окончательно убѣдится в том, что «отечество внѣ опасности».

И если германское правительство, под давленіем народа, будет вынуждено вскорѣ заговорить о мирѣ, тогда мир не будет заключен при тѣх условіях, которыя смогли бы обезпечить Германіи гегемонію в Европѣ. А это будет означать, что самая кровопролитная в исторіи человѣчества война закончилась в-ничью, и обманутые народы с поразительной ясностью увидят безполезность принесенных ими «на алтарь отечества» безконечно дорогих жертв.

ФРАНЦУЗСКІЕ СОЦІАЛ-ШОВИНИСТЫ О НѢМЕЦКИХ ИНТЕРНАЦІОНАЛИСТАХ.

В предыдущем номерѣ «Голоса Труда» мы привели отрывок из манифеста нѣмецких интернаціоналистов; центральным пунктом этого манифеста является указаніе, что «главный враг каждаго народа — в его собственной странѣ. Главный враг нѣмецкаго народа — в Германіи: это нѣмецкій имперіализм, нѣмецкая военная партія, нѣмецкая тайная дипломатія».

Наиболѣе яркій выразитель французскаго соціал-шовинизма в синдикалистских рядах, — Шарль Альбер, — не удовлетворен этим воззваніем нѣмецких интернаціоналистов. (См. «Батай Сендикалист», от 6 іюня).

Нѣмецкій имперіализм, говорит он, является не только главным врагом **нѣмецкаго** народа, но и **главным** врагом **всѣх** народов. В обыкновенное время он, Шарль Альбер, готов подписаться под формулой, гласящей, что «главный враг каждаго народа в его собственной странѣ». Но теперь, во время войны, у всѣх народов есть один только общій враг — это нѣмецкій имперіализм.

Ш. Альбера не приводит в смущеніе и то обстоятельство, что эти его взгляды находятся в противорѣчіи с классовой точкой зрѣнія. Он смѣло, «с открытым забралом», бросается в схватку с «устарѣвшими» формулами классовой борьбы. По его мнѣнію, неправы нѣмецкіе интернаціоналисты, когда они говорят, что соціалистическим лозунгом дня должна стать теперь борьба интернаціональнаго рабочаго класса против своих внутренних врагов, вызвавших эту ужасную войну.

Этот лозунг потерявшій классовый инстинкт соціал-шовинист считает несвоевременным: «Наиболѣе дальновидные революціонные соціалисты не строят своей тактики на почвѣ классовой борьбы, но на временной почвѣ подготовки к болѣе интенсивной классовой борьбѣ, болѣе легкой и энергичной, которая будет вестись по всей Европѣ послѣ того, как будет уничтожен прусскій милитаризм».

В выступленіи Италіи Шарль Альбер не удѣляет никакой роли итальянскому имперіализму. По его мнѣнію, вмѣшательство Италіи было вызвано только освободительными стремленіями, которыя одинаково дороги как итальянским революціонерам, так и итальянской буржуазіи.

При этом Шарль Альбер совершенно умалчивает об отношеніи к войнѣ огромнаго большинства итальянских рабочих, в рядѣ всеобщих стачек и демонстрацій выразивших свое отрицательное отношеніе к войнѣ.

Как видно, многіе французскіе соціал-шовинисты так далеко зашли в своих націоналистических увлеченіях, что уроки войны проходят мимо их воспаленных мозгов. Густав Эрве, всегда послѣдовательный в каждом новом этапѣ своей постоянной эволюціи и всегда трогательно-откровенный, уже заявил недавно о необходимости ликвидаціи послѣ войны на долгое время интернаціональнаго соціализма. Его мѣсто должны занять національныя, «реалистическія», соціалистическія партіи. Ш. Альбер и другіе продолжают еще лепетать что-то о возстановленіи интернаціональной классовой борьбы послѣ войны, послѣ уничтоженія прусскаго милитаризма, и даже обѣщают, при таких условіях, «болѣе интенсивную и воодушевленную» классовую борьбу. Но эта революціонная фразеологія не может замаскировать националистической сущности их нынѣшних воззрѣній и переживаній.

«БАТАЙ СЕНДИКАЛИСТ» О РУССКИХ ПОРАЖЕНІЯХ

Кое-какое различіе между «Батай Сендикалист» и остальной французской печатью все же обнаруживается время от времени, даже в вопросах непосредственно касающихся военных дѣйствій.

В то время, как вся французская печать не позволяет себѣ сказать что либо, хоть мало-мальскі нелестное о царской арміи, «Батай Сендикалист» позволяет себѣ иногда пару саркастических замѣчаній по адресу союзника. Это дѣлается, правда, лишь в отдѣлѣ «Откликов», в формѣ весь сдержанных по тону мелких замѣток, чѣм, быть может, и об'ясняется «попустительство» свирѣпой французской цензуры, мало чѣм уступающей теперь россійской.

Цитируя статьи, посвященныя военными обозрѣвателями лондонских газет «Таймс» и «Морнинг Пост», всецѣло запродавшихся русскому правительству, взятію Пшемысля австро-германцами, «Батай Сендикалист» позволяет себѣ усумниться в правдивости и прозорливости этих союзных стратегов. Полковник Репингтон старается успокоить обезкураженную паденіем Пшемысля англійскую публику тѣм, что обѣщает, что русскіе отстоят Лемберг. «Русскіе, говорит этот эксперт, **несравненные бойцы аррієгарда.**»

Замѣтка об этом мнѣніи сотрудника «Таймс» язвительно озаглавлена редакціею «Батай Сендикалист» — «Бойцы арріегарда».

«Морнинг Пост», в свою очередь, писала по поводу взятія Пшемысля слѣдующее:

Россія может себѣ позволить терять людей и территорію. Нѣмцы выигрывают территорію, но теряют людей. Россія может себѣ позволить выжидать, Англія тоже. Не надо забывать поговорку: «Англія выигрывает одно только сраженіе в каждой войнѣ, но это — рѣшительное сраженіе».

На это мудрое разсужденіе «Батай Сендикалист» вполнѣ резонно разсуждает так:

«Лучше всетаки было бы терять меньше людей и сохранять завоеванную территорію. Что бы там ни говорили, нас не заставят повѣрить, что взятіе Пшемысля нѣмцами означает русскую побѣду».

При нынѣшних цензурных условіях во Франціи печатаніе даже таких замѣток является чуть ли не гражданским подвигом.

НА ТЕКУЩІЯ ТЕМЫ

К ПОЗОРНОМУ СТОЛБУ.

Нѣкоторыми извѣстными литераторами, поэтами, художниками и общественными дѣятелями было послано письмо Джону Д. Рокфеллеру-младшему, — теперь опубликованное.

В этом письмѣ, помимо разбора всѣх подлых дѣяній, продѣланных во имя интересов Рокфеллера в Колорадо, — много говорится о недавно приговоренном к пожизненному тюремному заключенію, лидерѣ шахтеров — Д .Р. Лаусонѣ.

Подписавшіе письмо, высказываются о жертвѣ Рокфеллера слѣдующим образом:

«...Лаусон поступил на работу в Ваши шахты маленьким восьмилѣтним мальчиком. Он сам себя воспитал, своими личными усиліями он достиг образованія и заслужил уваженіе и любовь всѣх людей своего класса. Американскій народ имѣл возможность оцѣнить его во время выступленій его перед Индустріальной Комиссіей, за день или за два перед Вашим выступленіем....

«...Он приговорен к пожизненному тюремному заключенію только лишь за то, что был лидером шахтеров, возставших против индустріальной тираніи, примѣняемой Вами в Колорадо»...

В заключеніе авторы письма недвусмысленно заявляют:

«Мы находим, что Вы, Джон Д. Рокфеллер-младшій, виновны в убійствах первой степени, и мы клеймим вас перед лицом человѣчества».

Самым лучшим наказаніем для «Джона Д.» было бы, по мнѣнію авторов письма, конфискація правительством Соед. Штатов всей его собственности, —ибо собственность самое неоцѣнимое благо для подлаго магната.

Среди подписавших письмо имѣются подписи извѣстных дѣятелей в революціонно-литературном мірѣ, как Л. Аббот, Ф. Дойл, Р. Вокер, О. Синклер, Арт Іонг и много других.

АМЕРИКАНСКІЕ КАПИТАЛИСТЫ В РОЛИ ПОКРОВИТЕЛЕЙ МЕКСИКИ.

Наши читатели помнят, что президент Вильсон в нотѣ, посланной им мексиканским революціонным дѣятелям, выступал в роли защитника и покровителя изстрадавшагося мексиканскаго народа.

«...Правительство Соед. Штатов считает своим долгом, не преслѣдуя никаких корыстных (?) цѣлей, придти на помощь сосѣду и оказать ему содѣйствіе в установленіи порядка...

«...Мое правительство само будет вынуждено изыскать мѣры к тому, чтобы помочь Мексикѣ спасти себя и свой народ...»

Эти слова офиціальной ноты до сих пор еще пережевываются нѣкоторыми органами печати и этими словами стараются доказать, что правящіе слои американской буржуазіи не имѣют карманных интересов в Мексикѣ.

Но если администрація Вильсона не сдѣлала до сих пор рѣшительных шагов для осуществленія «безкорыстной помощи страдающим мексиканцам», — то печать, вѣрная раба капитала, дает довольно ясные намеки, позволяющіе дѣлать предположенія относительно той помощи, которой хотѣл «облагодѣтельствовать» мексиканцев президент Вильсон.

«Эдуардо Итурбайд — должен быть президентом Мексики!» — единодушно вопит реакціонная печать.

Кто такой Э. Итурбайд?

Раньше всего, он — крупный землевладѣлец. Дальше, он — видный клерикал и реакціонер. Но болѣе того, он извѣстен мексиканцам, как человѣк, бывшій в свое время помощником диктаторов Гуэрты и Діаза. И, в качествѣ достойнаго помощника бывших диктаторов, он имѣет тѣ же политическія «убѣжденія», что и Діаз, и Гуэрта, т. е. «Дави и властвуй!»

Вот в чем состоит «спасеніе», «помощь» и «совѣт», преподносимые «безкорыстными» американцами мексиканским рабочим и крестьянам.

* * *

Как передают газеты, на границѣ с Мексикой был арестован, по приказу из Вашингтона, бывшій диктатор Гуэрта и его вѣрный слуга Ороско. Арестованы они за нарушеніе нейтралитета, выразившееся в том, что, по достовѣрным свѣдѣніям, Гуэрта намѣревался поднять снова движеніе в Мексикѣ в свою пользу.

Провокаціонныя попытки американской прессы.

Капиталистическая печать разнесла по всей Америкѣ новое сенсаціонное извѣстіе из области мексиканских событій. Впродолженіе цѣлой недѣли газеты радостно кричали на всѣ лады, «Обрегон, — один из лидеров конституціоналистов, — оставил свою партію»; «Обрегон порвал с Каранзой»; «Каранза остался без своей правой руки— Обрегона» и т. д.

Под такими крикливыми заголовками печатались подробнѣйшія сообщенія о том, как генерал Обрегон, недовольный почему то Каранзой, оставил его, и о том, как он готовится собрать армію для борьбы с Каранзой.

Трудно было не вѣрить разсказам, со всевозможнѣйшими подробностями, излагавшими обстоятельства разрыва двух видных революціонеров Мексики, — тѣм болѣе, что в Мексикѣ подобные случаи через-чур часты.

Но, вскорѣ оказалось, что вся эта исторія — обыкновенная, для капиталистической прессы,— газетная утка.

Генерал Обрегон в заявленіи, посланном им Каранзѣ, рѣшительно заявляет слѣдующее:

«Послѣ убійства Мадеры и Зуареса — Вы один представляли конституціонную власть в Мексикѣ, и каждый конституціоналист признает Вас теперь. Вилла вскорѣ будет побѣжден и со своей продажной бандой скроется за границы Мексики... Из наших ежедневных побѣд над ним я дѣлаю вывод, что его возстанію будет скоро конец. Выпущенный Вами манифест (Обрегон, вѣроятно, имѣет в виду ноту, посланную Каранзой Соед. Штатам, — которая в то же время носила характер прокламаціи к мексиканскому народу. (См. прошлый номер «Г. Т.» — В. Л.) должен найти сочувствіе в сердцах всѣх мексиканских патріотов»...

Из других свѣдѣній, доставленных Каранзѣ его сподвижниками, видно, что генерал Обрегон находится в главной квартирѣ конституціонaлистских войск в Лагосѣ, а его солдаты заняли Долорес Гидальго, гдѣ, по сообщеніям Виллы, они были остановлены его десятитысячной арміей.

Итак, извѣстія американской печати оказались выдумкой. Многіе, по всей вѣроятности, недоумѣвают и спрашивают: Зачѣм понадобилось американской прессѣ распускать всѣ эти ложные слухи?»

Между тѣм, об'ясняется это очень просто: американская буржуазная печать крайне недовольна симпатіями американских рабочих к судьбам мексиканской революціи и, дабы вмѣсто симпатіи вселить недовольство, недовѣріе, и даже презрѣніе к революціи и к революціонным дѣятелям в Мексикѣ, — печать, не задумываясь, лжет направо и налѣво.

На этот раз не удалось — ложь была быстро и рѣшительно разоблачена.

Вл. Лосьев.

ЗА ИДЕАЛ

СТАТЬЯ ПЯТАЯ

Похвала утопистам.

Блажен безсмертный идеал...
Пушкин.

Никто не может начертать ту линію, по которой пойдет исторія, в особенности во времена тѣх общественных переворотов, которые предшествуют родам новых форм общества.

Идеал, который вчера еще казался крайним, неосуществимым, оторванной от жизни утопіей, завтра может сдѣлаться банальной дѣйствительностью. Оглянемся назад, опросим исторію и посмотрим, что скажет она относительно идеалов, вокруг которых сознательно или безсознательно группировались революціонныя силы.

Республиканцы 18-го столѣтія мечтали о всемірной республикѣ,* они боролись за этот **идеал**, гибли за эту прекрасную упоительную **для них** мечту на ледяных высотах Альп, на полях битвы в Германіи, Италіи и Бельгіи. Осуществили ли они свой идеал? Нѣт. Они его не осуществили; больше того, тот идеал «братства народов», к которому они стремились, до сих пор все еще не осуществлен; но борьба эта не прошла даром, она осталась **примѣром борьбы за мечту, за идеал**, за прекрасную «упоительную утопію», которая зажигает сердца и рождает героев, тѣх мифологических гигантов дѣла, которые служат будущему свѣтилом.

Гибли они за прекрасную, самую прекрасную мечту, какую **они могли создать тогда**; за высокій идеал братства народов; но когда, наконец, этот идеал будет осуществлен, он **мало будет похож** на тот идеал, к которому стремились и из за котораго гибли республиканцы 18-го столѣтія, ибо это будет братство экономически и политически равных, а не призрачное равенство перед законом.

Но этот идеал для них был той мечтой, той «желанной, святой», которая манила их все вперед и вперед, разжигала их страсти и заставляла их с самоотверженіем бросаться в порою непосильную для них борьбу. Для отсталаго большинства их современников они были, конечно, неисправимыми утопистами. Но попробуйте выкинуть из исторіи Великой Французской Революціи этих утопистов и вы увидите, какою блѣдной и «безнародной» станет она. Развѣ не ясно, что для нас наиболѣе дорогими, наиболѣе цѣнными страницами являются как раз тѣ страницы этой исторіи, которыя повѣствуют о жестокой борьбѣ «людей реальной политики» с тѣми, которых клеймили утопистами и которые в дѣйствительности одни явились подлинными творцами будущаго?

Конечно, чѣм ваш идеал стоит ближе к тому, что существует, тѣм менѣе грубо и жестоко он отрицает существующія вѣрованія и понятія, чѣм менѣе сурово относится к предразсудкам отсталаго большинства, которое и создает общественное мнѣніе, тѣм болѣе как будто вы стоите ближе к жизни, тѣм болѣе вы легко чувствуете себя в современном обществѣ; но именно это обстоятельство лучше всего показывает, что ваш идеал немногим отличается от тѣх вѣрованій, стремленій и идеалов, которые лежат в основѣ современнаго строя, что вы еще не сдѣлались его непримиримым врагом, что вы не **смѣете, не рѣшаетесь** в корнѣ отрицать его, вы трус, а раз вы трус, вы, конечно, не утопист, вы еще исправимый, «благомыслящее общество вас еще считает полусвоим, оно надѣется,, что вы еще можете вернуться к «здравым мыслям», и не вам, трусам, народная поэзія будет слагать гимны; не вы, оппортунисты, — евнухи мысли и дѣла, будете жить вѣчною жизнью в воспоминаніях народа, а тѣ безподобные утописты, влюбившіеся в мечту, которые, сломя голову, бросаются во всѣ тяжкія революціонной бури, как только сладкая мечта позовет их на бой.

Развѣ самыя лучшія страницы Великой Французской Революціи не написаны утопистами, т. е. тѣми, которые боролись за идеалы, считавшіеся **тогда** «оторванными от жизни» утопіями? Развѣ лучшее наше наслѣдство, завѣщанное нам утопистами того времени, — **соціализм**, — не есть наиболѣе дорогое, наиболѣе цѣнное наше наслѣдство? Развѣ наслѣдство, завѣщанное нам коммунарами, память которых стараются осквернить нѣкоторые «революціонеры, перешедшіе на другой берег рѣки», как всегда и всюду позорили память «утопистов» люди «реальной политики», — развѣ оно не есть самое лучшее наше наслѣдство? Развѣ самые утопичные из этих стремленій и идеалов не являются наиболѣе цѣнным вкладом в наше общее достояніе?

Еще один примѣр. Революція 48 года и то огромное общеевропейское движеніе, которым характеризуется эта эпоха, были результатом не только политическаго, но и широкаго и глубокаго **соціалистическаго** движенія, как справедливо замѣчает П. А. Кропоткин. Много лѣт толкуется и изучается исторія этой революціи и все еще не установлены размѣры той огромной роли, которую в этом движеніи играли утописты. И тут лучшія страницы написаны тѣми, которых трусы-оппортунисты ругали утопистами — наслѣдство, завѣщанное нам ими, есть наше наслѣдство, наше идейное сокровище.

К. Оргеіани.

(Окончаніе слѣдует).

* См. предисловіе П. А. Кропоткина к брошюрѣ Бакунина: «Парижская Коммуна и понятіе о государственности».

1914-1915

БУРЯ.

(Посвящаю памяти жены).

Золотятся гребни дальних туч...
Тихій вечер, вот моя молитва:
Тишиной своей, доколѣ длится битва,
Ты меня не мучь..

В тишинѣ твоей больнѣе сердцу биться.
С тишиной твоей взволнованная грудь
Все не может, — нѣт, не может примириться...
Отдохнуть....

* *

Ненавистна мнѣ природы равнодушной
Красота — безстрастія печать.
Я душою, вѣчно непослушной,
Не могу молиться и молчать.

Бури хочется! Стенанія и рева...
Чтобы море, звѣзды и цвѣты
Долгим стоном ярости и гнѣва
Замѣнили пѣсни красоты...

Чтоб цвѣты дыханьем ядовитым
Наполнили нѣжный аромат;
Чтобы стал видѣньем позабытым
Их причудливый наряд...

Чтоб стихія вод, поднявшись из пучины,
Смыла вновь безуміе земли;
Чтобы міра здѣшняго руины
Никогда потомки не нашли!..

Чтобы звѣзды в бурѣ возмущенья,
Сорвались с померкнувших небес
И, внимая богу мщенья,
В этот мір безумія и тлѣнья
Пали пламенем святого очищенья...

Чтобы мір, спаленный им, исчез.

* *

И когда, в порывѣ обновленья,
Мір иной возстанет из руин, —
Пусть тогда струятся пѣснопѣнья
В глубинѣ воскреснувших долин.

О, тогда—на радостную землю
Пусть сойдет благая тишина.
Пусть опять лелѣет сказками весна...
Пусть и я тѣм сказкам снова внемлю...

Пусть цвѣты, как прежде, зацвѣтут.
Воды пусть в смиреньи отойдут
И, ласкаясь, нѣгой обоймут
Берега, омытые грозою...
И поднявшись снова над землею,
Звѣзды пусть, собрав свои лучи,
Снова тихо молятся в ночи.

В. Э.

МАРКС, БАКУНИН И ВОЙНА

(Окончаніе).

Бакунин не собирался завоевывать силою французскаго оружія побѣду тому «прудоновскому» соціализму, который так хотѣл уничтожить Маркс; но защиту Франціи от прусских войск он считал необходимою, даже несмотря на то, что непосредственно война была вызвана Наполеоном, а не Бисмарком, и что большинство французских соціалистов до сверженія Наполеона относились болѣе или менѣе равнодушно к нѣмецким побѣдам. Они стали настаивать на «войнѣ до конца» лишь послѣ 4-го сентября, и тогда же к ним присоединился и весь федералистскій Интернаціонал.* Но Бакунин еще 23-го августа, т. е. при имперіи, писал Ришару в Ліон, что французское правительство обманывает и продает Францію, что оно погубит ее и спасти ея существованіе может только возставшій народ. «Париж и Франція могут быть спасены только громадным народным возстаніем. Пусть повсюду народ возьмется за оружіе, пусть организуется сам и начнет против нѣмецких завоевателей истребительную войну, войну на ножах... Нужно свергнуть внутренних пруссаков, чтобы затѣм спокойно и с увѣренностью идти против пруссаков внѣшних. Патріотическое движеніе 1792 года — ничто в сравненіи с тѣм, которое вы должны поднять теперь, если вы хотите спасти Францію от рабства на 50 лѣт, от нищеты и разворенія, от иноземнаго нашествія и уничтоженія». «Обычныя средства, регулярная армія не может спасти Францію; ея спасеніе только в народном возстаніи», пишет он в первом из своих «Писем к Французу». Этот призыв к революціи на патріотической почвѣ, к устраненію правительства с цѣлью перехода в руки народа защиты страны, характерен не для одного Бакунина, а и для всего революціоннаго движенія того времени во Франціи; эта тенденція видна и в Коммунѣ.

В тѣх же «Письмах к французу» Бакунин об'ясняет почему он, интернаціоналист, призывает к войнѣ.

«О, если бы во Францію вступила армія пролетаріев — нѣмцев, англичан, бельгійцев, испанцев, итальянцев — высоко несущая знамя революціоннаго соціализма и возвѣщающая міру окончательное освобожденіе труда и пролетаріата, я бы первый крикнул рабочим Франціи: «раскройте им свои об'ятія, это — ваши братья, соединитесь с ними, чтобы уничтожить гнилые остатки буржуазнаго міра!» Но то нашествіе, которое теперь позорит Францію, — не нашествіе демократическое и соціальное, а нашествіе аристократическое, монархическое и военное. Тѣ пятьсот или шестьсот тысяч нѣмецких солдат, которые в настоящую минуту душат Францію—рабы деспота, полнаго сознаніем своего божественнаго права; ими управляют, командуют, как автоматами, офицеры и генералы, вышедшіе из самой высокомѣрной аристократіи в мірѣ; они— спросите у ваших братьев, нѣмецких рабочих— самые ожесточенные враги пролетаріата. Если бы французскіе рабочіе встрѣтили их мирно, если бы они отнеслись индифферентно к этому нашествію нѣмецкаго деспотизма, аристократизма и милитаризма на французскую землю, они измѣнили бы не только своему собственному достоинству, своей собственной свободѣ, своему собственному благосостоянію и всѣм надеждам на лучшее будущее; они измѣнили бы и дѣлу пролетаріата всего міра, святому дѣлу революціоннаго соціализма. Этот послѣдній повелѣвает им, в интересах рабочих всѣх стран, уничтожить озвѣрѣлыя банды нѣмецкаго деспотизма — также, как онѣ сами уничтожали вооруженныя банды деспотизма французскаго, истребить всѣх до послѣдняго солдат прусскаго короля и Бисмарка, так чтобы ни один из них не ушел живым или вооруженным из французской земли.»‡ Дальше Бакунин говорит о том, что может быть своим пассивным отношеніем рабочіе хотят отомстить буржуазіи? Но они уже раз отомстили таким образом за іюньскіе дни тѣм, что приняли без сопротивленія наполеоновскій переворот в декабрѣ 1852 года — и поплатились за это двадцатью годами угнетенія. «Мстить всегда на самом себѣ и в пользу тѣх самых людей, которым собираешься отомстить, не кажется мнѣ особенно остроумным, и вот почему я не могу вѣрить разсказам нѣмецких корреспондентов (писавших, что французскіе рабочіе мирятся с побѣдой Пруссіи). Неужели умные парижскіе рабочіе не знают, что окончательная побѣда пруссаков означала бы гораздо больше нищету и рабство французскаго пролетаріата, чѣм униженіе и разореніе французской буржуазіи?» И Бакунин доказывает, что буржуазія всегда устроит свои дѣла, особенно на почвѣ усилившейся нужды в рабочем классѣ, тогда как пролетаріат долго не избавится от ига. Но он надѣется, что рабочіе сбросят с себя апатію, возьмутся за оружіе (оружіе, котораго не хочет дать им правительство) и скорѣе погребут себя вмѣстѣ с пруссаками под развалинами Парижа, чѣм впустят в свою столицу нѣмецкаго императора.»†

А немного позже Бакунин пишет:

«Я увѣрен, что пораженіе и порабощеніе Франціи и торжество подчиненной Пруссіи Германіи погрузило бы всю Европу в мрак, нищету и рабство прошлых вѣков. Я настолько убѣжден в этом, что считаю, что в настоящую минуту — священный долг каждаго человѣка, любящаго свободу и стремящагося к торжеству гуманности над звѣрством, придти — кто бы он ни был, англичанин, испанец, итальянец, поляк, русскій, или даже нѣмец — и принять участіе в демократической борьбѣ французскаго народа против нѣмецкаго деспотизма.»‡

Этими мыслями проникнуты всѣ писанія Бакунина, относящіяся ко времени войны 1870 г. Вездѣ он призывает рабочих Франціи к участію в войнѣ, во имя борьбы с угнетеніем, как Маркс призывает их наоборот, к равнодушному отношенію к ней, во имя чисто-классовой политики. Анархизм и соціальдемократія у своей колыбели ясно противопоставляются друг другу...

Теперь, через 44 года, перед нами встают тѣ же вопросы. И потому с таким интересом читается теперь то, что писали в то время представители обоих лагерей соціализма, с такою страстью ведутся до сих пор споры об этом историческом прошлом. И как все это, до мелочей, современно! Слова Бакунина о мести буржуазіи на собственной спинѣ — точно отвѣт на прокламацію Домелы Ньювенгейса, напечатанную в одном из номеров «Г. Т.», а вся его аргументація точно составлена в виду той позиціи, которую заняло в наше время большинство русских товарищей. Взаимное положеніе партій теперь измѣнилось. Соціальдемократы перемѣстились вправо, в сторону имперіализма; многіе анархисты тоже перемѣстились (вправо или влѣво?), в сторону чисто-экономическаго взгляда на рабочую борьбу. Прогресс это, или регресс — я сейчас разбирать не стану, но как бы мы ни относились к прошлому нашего движенія, **знать** его мы во всяком случаѣ должны. Вот почему я остановилась на взглядах Бакунина нѣсколько дольше, чѣм этого требовало простое изложеніе новой книжки Дж. Гильома.

М. Корн.

Прим. ред. Помѣстивши в «Г. Т.» статью т. М. Корн, мы считаем нужным оговорить, что безусловно отрицательно относимся ко всей той кампаніи, которую предприняла, основываясь на брошюрѣ Дж. Гильома, «Батай Сендикалист», с цѣлью доказать, что Карл Маркс был пангерманистом. Несмотря на нѣкоторыя оговорки, т. М. Корн в общем всецѣло поддерживает эту точку зрѣнія французских соціал-націоналистов. Замѣтим прежде всего, что и всѣ прочіе обвинители вынуждены признать, что в своих офиціальных выступленіях во время войны Маркс выдерживал интернаціоналистскую позицію.

Что же касается частной переписки Маркса с Энгельсом, то она, несомнѣнно представляет большой интерес с исторической точки зрѣнія. Но когда к этой перепискѣ подходят, как это дѣлают французскіе соціал-патріоты, со спеціальной цѣлью — оправдать свою националистическую, антинѣмецкую позицію путем «доказательств», что «нѣмецкій» соціализм с самаго начала был пропитан имперіализмом, то революціонные интернаціоналисты не могут, конечно, сочувственно отнестись к подобным историческим «изслѣдованіям».

Т-щ М. Корн в своей статьѣ не ограничивается поддержкой этой кампаніи французских соціал-націоналистов против Карла Маркса. В своем стремленіи оправдать позицію французских соціалистов и синдикалистов, она пытается доказать, что если имперіализм В. Гейне и Зюдекумов берет свое начало от Маркса, то Жуо и Ш. Альберы в своем соціал-патріотизмѣ являются вѣрными послѣдователями Бакунина. Но т. М. Корн достигает тут прямо противоположных результатов. Достаточно указать на приведенную ею цитату из письма Бакунина к Ришару, в котором Бакунин говорит, что спасти Францію можно только путем «громаднаго народнаго возстанія»... «Нужно свергнуть **внутренних** (курсив наш) пруссаков, чтобы затѣм спокойно и с увѣренностью идти против пруссаков внѣшних».

Письмо это, правда, было написано за двѣ недѣли до сверженія имперіи. Но кто хоть немного знаком с воззрѣніями Бакунина, не усомнится, конечно, что под «внутренними пруссаками» Бакунин подразумѣвал не только Наполеона III с его бандой, но и всю французскую буржуазію. Исход, предлагавшійся Бакуниным, не имѣет, очевидно, ничего общаго с нынѣшней позиціей французских соціал-патріотов. При всей своей ненависти к бисмарковской Германіи, Бакунин ни на минуту не забывал о «внутренних пруссаках», не призывал к «національному единенію», в смыслѣ об'единенія рабочих с буржуазіей, а наоборот словом и дѣлом призывал к народному возстанію.

Прежде всего сверженіе внутренняго деспотизма, а потом уже война освободившагося революціоннаго народа с внѣшним врагом, вторгшимся в предѣлы территоріи, над которой развивается революціонное знамя—такова была точка зрѣнія Бакунина, и такова и теперь точка зрѣнія революціонных интернаціоналистов.

* См. воззваніе, помѣщенное в швейцарской газетѣ «Солидаритэ» и приведенное в большом трудѣ Дж. Гильома об исторіи Интернаціонала. "L'Internationale, documents et souvenirs, v.II, p.81) Там же и письма Бакунина.

‡ «Lettres a un Francais», т. II франц. изд., стр. 257-258.

† Там же, стр. 262

‡ Рукопись без заглавія, написанная в Марсели и напечатанная в т. IV франц. изд. сочиненій Бакунина, стр. 153.

Обреченные

"Moriturі"

Роман **Вл. Забрежнева.**

(Продолженіе).

Тяжело перевела дух старуха и дрожащей рукой смахнула слезу. Дима стоял пораженный.

— Да, — продолжала она. — Мужицкаго родства постыдился, за рабу, за наемную выдал, перед внуком таиться наказал...

— До смерти таить обѣщалась. Теперь ничего не укрою. Должен ты все узнать, голубок мой.

— Бабушка! — очнувшись, воскликнул Дима с рыданіем в голосѣ. — Ты — **моя бабушка**! Так не умирай же, родная!

— Сладко, ох сладко мнѣ имя это от тебя слышать, внученек ты мой ненаглядный. А только против Бога, да против смерти не поспоришь.

Знаю — до ночи не доживу, вот и тороплюсь я тебѣ все открыть.

— Ох, голос то слабый уж стал. Подвинься поближе, голубь.

— По благородному воспитали тебя, Димушка, а вѣдь нашей ты, **мужицкой** крови. Знаю, не чураешься ты и так чернаго люда. Слушай, что дальше скажу...

— Дѣдушка то твой, как и ты — Димитрій, крѣпко мір крестьянскій любил и пострадал за него. Был он села Ракитина, Ярославской губерніи, потому и Ракитиными мы прозываемся. Лютый был помѣщик у нас, мужиков забиждал, а дѣвкам и вовсе проходу не было. Пришло, что хоть в прорубь!.. Почтил мір дѣла твоего, к царю ходоком послал с нашею мужицкою жалобой, у него, у батюшки, защиты искать. Переняли его на дорогѣ господники, скрутили ровно разбойника, и в острог бросили. Не вернулся уж больше дѣд на родную сторонушку: в тюрьмѣ и преставился...

Петруша еще ребенком малым был. Осталась я с ним одна одинешенька, старшенькіе то всѣ перемерли давно.

Не оставил нас мір. В город, в ученье свезли Петрушу. Вышел он в люди, купцом-барином стал. Денег нажил столько, что и дѣвать стало некуда. Жертвует куда-зря, почет покупает. Крестами-орденами обвѣсился весь, шпагу с боку прицѣпил, — что твой енарал!..

И все-то это по ейному приказу, чтоб вровень с ней быть, да со сродственниками ейными. От своей родни мужицкой, от земляков отвернулся. Меня, вишь-ты, — и то из милости, — за няньку выдал. С тѣм к тебѣ лишь и допустил, чтобы молчком молчать.

Горько мнѣ было терпѣть, да уж больно тебя я, внучек ты мой дорогой, как увидѣла, — полюбила. Держала клятву, теперь разрѣшилась она...

Так-то, Димушка! Помни ж крѣпко, что **мужик** ты. Стыднаго в том ничего нѣтути. Легше дѣдом гордиться, нечѣм господской родней...

К отцу злобы ты не питай. Не сильный он, супротив бабы не устоял: опутала, улестила. А все-же она мать тебѣ, почитай ее сколько можешь. Я им обоим давно простила...

А теперь — дай благословлю я тебя на добрую жизнь, на полезную. Поцѣлуй ты старуху, да и ступай себѣ с богом. А меня одну оставь, — отходить буду...

«Старая»! Бабушка-няня!.. Легким пухом да будет тебѣ родная земля!

IV

Сумерки сгустились над сводом. С обычным громом и лязгом коридорные открыли дверь и внесли зажженную свѣчу под зеленым картонным абажуром: жуткое напоминаніе о событіи, послѣ котораго керосиновыя лампочки были изгнаны из камер заключенных...

При искусственном освѣщеніи камера кажется уютнѣе. Тѣнь абажура скрывает от взгляда сводчатый потолок, вырывая из мрака лишь нижнюю часть стѣны. И на этом освѣщенном пространствѣ черным призраком мечется неотлучный спутник, вѣрный, единственный вечерній товарищ заключеннаго — тѣнь его.

Шагает по камерѣ взад и вперед Димитрій Петрович и, как в калейдоскопѣ, проходят перед ним отдѣльныя картины его жизни.

....

...Отрочество, скрашенное стремленіем к знанію, послѣ мучительных сомнѣній и рѣзкаго разрыва с вѣрой.

Религіозное увлеченіе доходило до экстаза. Но ум работал. Противорѣчія между настроеніями и выводами логики стали невыносимыми. И тогда настал черед опытной провѣрки.

Не с благоговѣйным ужасом преклонился Дима перед чашей своего послѣдняго причастія.

В облаках кадильнаго дыма, как всегда, появились на порогѣ царских врат священник с діаконом.

— Со страхом Божіим и вѣрою приступите!..

Нѣт ,не с вѣрою и не со страхом приступил Дима. Страха был чужд он. Безмятежной дѣтской вѣрѣ знаніе нанесло смертельный удар.

С дерзко-пытливым вызовом принял он каплю тепловатой красной жидкости и задержал во рту кусок размокшей булки. Послѣ волшебства священника за перегородкой, украшенной фантастическими изображеніями, это уже не просто разбавленное кипятком вино и пшеничный хлѣб. Сам бог, уступая моленьям вѣрующих, спустился в чашу и содержимое ея превратилось в «истинное тѣло и в истинную кровь Христовы». И что бы доказать свои христіанскія добродѣтели, каждый вѣрующій должен с'ѣсть кусочек своего собственнаго бога и выпить глоток его крови.

Если я заблуждаюсь, если бог существует, если дѣйствительно не сказка, не обман все, чему вѣрит такое множество людей, чему вѣрил глубоко я сам, — пусть же небесный огонь поразит меня, как недостойнаго грѣшника!

Мирно лились молитвенные звуки; с выраженіем безграничной святости на лицѣ черпал лжицей причастіе священник и разсовывал его в открытые рты; благоговѣйно крестились молящіеся, принимая драгоцѣнный дар и діакон бережно обтирал их рты, чтобы самая малѣйшая частица его не упала на пол.

Дима ждал с напряженіем всѣх своих нервов, готовый ко всему, к самому страшному, к самому чудовищному возмездію за нечестивыя мысли.

Дима ждал. Но не содрогнулись своды храма, не разверзлась земля у ног его, не поглотила кощунствующаго и небесный огонь не попалил его.

Дима вышел на паперть и выплюнул причастіе.

— Как я был глуп! прошептал он с душевным сокрушеніем.

И купив просвиру, скормил ее встрѣчной собакѣ.

Виляя хвостом, глотала голодная собака свѣжую теплую просвиру и умильно просила еще.

—Как я был глуп!—прошептал он с душевным
лохматую шерсть.

С той же страстностью, с какою прежде простаивал цѣлыми часами на колѣнях перед образом, теперь он отдался чтенію книг. И книги формировали его ум.

...Его демократическія наклонности давно уже не подвергались преслѣдованіям. Его оставили в покоѣ послѣ того, как однажды, в видѣ протеста, он вышел в красной «мужицкой» косовороткѣ к парадному обѣду, на котором в числѣ прочей приглашенной знати присутствовал какой-то министр.

Не встрѣчало препятствія и его увлеченіе книгами. Сквозь пальцы смотрѣли на его явное невѣріе. Но ему было все же тѣсно и душно в обстановкѣ, насквозь пропитанной ложью и лицемѣріем. Свою личную нравственность построил он, умозаключая, главным образом, «от обратнаго»: признал за зло все, что почиталось добром в окружавшей его средѣ и — наоборот.

Окончив гимназію, он рѣшил покинуть родительскій дом.

Была бурная сцена с отцом.

— Что же, ты презираешь нас?

— Просто, — не хочу больше пользоваться вашими средствами.

— Чѣм же жить ты будешь?

— Буду работать, уроки давать...

—Ну, знаешь ли, пословица говорит: «от трудов праведных не наживешь палат каменных».— дѣланно засмѣялся Петр Димитріевич, играя Владимірским крестом.

— Папаша, вы сами себя осудили!

Лицо отца побагровѣло.

— Не миновать тебѣ тюрьмы с такими идеями!

— За честь почту по дѣдушкиным стопам пойти!

Это был окончательный разрыв. Неожиданно-жестокій: слишком уж на сердцѣ накипѣло. И началась «новая жизнь».

...Юность была заполнена упоеніем наукой.

Знаніе ревниво. Властно приковало оно к себѣ всѣ его помыслы и в первые годы студенчества в Медицинской Академіи захватило его почти цѣликом.

Разыгравшаяся эпидемія голоднаго тифа в Поволжьи выбила его из колеи. Записавшись в санитарный отряд, он слѣдовал голосу своего профессіональнаго долга. Крестьянскій быт, с которым ему довелось познакомится на мѣстѣ, ужаснул его и поставил перед ним соціальный вопрос во весь его рост.

По возвращеніи в Петербург, Димитрій Петрович вступил в студенческіе кружки, думая там найти разрѣшеніе мучивших сомнѣній. Но «земляческія» и «кассовыя» организаціи сразу оттолкнули его своим диллетантизмом, поверхностностью и духом кружковщины, царившим в них.

С дѣтства знакомый с иностранными языками, Димитрій Петрович обратился непосредственно к авторам, извѣстным большинству его товарищей лишь по наслышкѣ, да по плохим компиляціям.

Безпощадный обвинительный акт современному строю сам собою вырисовывался в умѣ из знакомства с неприкрашенным фактическим матеріалом, собранным безпристрастными изслѣдователями.

Но выход гдѣ-же? Всюду, вездѣ одно и то-же.

И перед громадностью, перед всеобщностью царящаго зла руки опускались безпомощно.

Не сумѣл он построить моста к практическим путям.

В невѣжествѣ видѣл он главную бѣду. И на науку, на знаніе возложил всѣ свои упованія. С новым рвеніем погрузился он в работу.

Блестяще окончив академію, Димитрій Петрович был оставлен при ней в качествѣ приват-доцента и уже приступил было к подготовленію докторской диссертаціи.

(Продолженіе слѣдует).

Голос Труда

GOLOS TRUDA

(THE VOICE OF LABOR)

Published Weekly by the
RUSSIAN LABOR GROUP OF NEW YORK
A. RODE, *Secretary-Treasurer*

OFFICE:
586 East 140th Street New York, N. Y.

SUBSCRIPTION RATES:
United States

One Year	$1.00
Six Months	.60
Three Months	.35

Single Copy 2 Cents
Foreign and Canada.

One Year	$1.50
Six Months	.85
Three Months	.50

Single Copy 3 Cents

Entered at the Post Office at New York, N. Y., as Second Class Mail Matter.

Редакція не принимает на себя отвѣтственности за помѣщаемыя в «Голосѣ Труда» объявленія.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС МИРА В ФЕРРОЛѢ

Как извѣстно, испанское правительство запретило международный конгресс мира, созванный по иниціативѣ феррольских синдикалистов, и пріѣхавшіе на конгресс португальскіе революціонеры были высланы из Испаніи. Но, несмотря на эти мѣры, принятыя испанским правительством, конгресс всетаки состоялся, хотя и негласно, и в обсужденіи нѣкоторых вопросов, поставленных на очередь дня конгресса, смогли принять участіе также и португальскіе делегаты, которые были высланы полиціей лишь послѣ перваго засѣданія, на котором и обсуждались наиболѣе важные вопросы. К сожалѣнію, конгресс не имѣл практическаго значенія, какое от него ждали.

На конгрессѣ присутствовало около 40 делегатов от различных анархических, синдикалистских и революціонных груп Испаніи и Португаліи. Кромѣ организацій, непосредственно представленных на конгрессѣ, заявили о своем присоединеніи и выразили заранѣе свою солидарность со всѣм, что послѣдній предпримет для борьбы с войной, 70 «обществ сопротивленія», 6 синдикалистских груп, 14 Рабочих Центров и Народных Домов, 25 анархических груп, 16 Рабочих Федерацій, 2 соціальдемократическія группы, одна республиканская группа, нѣсколько эсперантистских груп, кооперативов и т. д. Испаніи и заграницы. Всѣ принимавшіе участіе в конгрессѣ, горѣли страшной ненавистью к европейской бойнѣ и страстным желаніем положить ей конец. Но какое практическое рѣшеніе мог вынести конгресс? Всеобщая стачка, о которой много говорилось на конгрессѣ, как о революціонном средствѣ протеста против войны, во время об'явленная и умѣло проведенная пролетаріатом воюющих теперь стран, могла помѣшать коронованным и некоронованным негодяям устроить небывалую бойню, — одних только русских выбыло из строя сверх трех милліонов! Но какое практическое значеніе может имѣть всеобщая стачка, об'явленная, как протест против войны, в Испаніи и Португаліи, еслиб даже ее и удалось провести в самых широких размѣрах? Теоретически, пролетаріат нейтральных стран, — всѣх, конечно, а не двух-трех небольших стран, как Испанія и Португалія, — мог бы приблизить конец войны, отказавшись от всякаго производства на воюющія страны, не выпуская ни одного корабля, ни одного поѣзда, нагруженных товарами, предназначенными на нужды послѣдних, изолировав их от всего міра и поставив в невозможность долго продолжать войну. Но для этого нужно, чтобы пролетаріат этих стран диктовал свою волю государству и капиталистам. А если бы существовал такой сильный и могучій пролетаріат, не только бы войны были невозможны, но и капиталистическому строю был бы положен конец.

Конгресс принял слѣдующія резолюціи:

1. Выбрать постоянный Международный Комитет Мира, состоящій из пяти членов, мѣстопребываніем котораго назначен Лиссабон. 2. Комитет этот должен составить полный документальный отчет конгресса, который послужит в дальнѣйшем для изученія исторіи рабочаго движенія. 3. Каждыя двѣ недѣли комитет должен выпускать прокламаціи против войны на языках воюющих народов и всѣми средствами стараться доставлять их солдатам в траншеи и на поле битвы; т. е., иными словами, должен вести пропаганду против войны среди дѣйствующей арміи на всѣх фронтах.

Вещь очень хорошая. Манифест в пользу мира, выпущенный Себастьяном Фором, производил сильное впечатлѣніе на французских солдат, попадая в траншеи. Но, спрашивается, каким образом Комитет Мира будет из Лиссабона доставлять прокламаціи против войны во французскія, англійскія, нѣмецкія траншеи, не говоря уже о русских, сербских и турецких, да еще каждыя двѣ недѣли? Опыт с манифестом Фора показал, что несмотря на всѣ мѣры, принятыя правительством и военными властями, доставленіе в ряды дѣйствующей арміи воззваній против войны вещь не невозможная, но для этого мало одного рѣшенія конгресса, и не какой нибудь комитет, живущій в Лиссабонѣ, может это сдѣлать.

На конгрессѣ обсуждался также вопрос о созданіи новаго рабочаго интернаціонала, который, стоя на почвѣ революціонной борьбы против государства и капитала и строго придерживаясь принципов международной рабочей солидарности, сдѣлал бы невозможным повтореніе в будущем братоубійственных войн. Затѣм рѣшено было организовать на иных, болѣе революціонных началах испанскую Національную Конфедерацію Труда, которая в настоящее время слишком заражена реформистским духом.

Потребность в новом интернаціоналѣ давно ощущается в рабочей средѣ. Но, чтобы он отвѣчал своей цѣли и сдѣлал, дѣйствительно, невозможным повтореніе переживаемаго нами ужаснаго кошмара, нужно, чтобы он состоял из живых, подвижных организмов, а не мертвых организацій, устремляющих свои взоры на центр; нужно, чтобы не было офиціальных вожаков рабочаго класса, которые, по назначенію, стоят во главѣ рабочаго движенія и часто оказываются не на высотѣ своего положенія; нужно, чтобы не было таких центров, которым бы давалась власть рѣшать от имени рабочих цѣлой страны, как должен поступать рабочій класс в том или ином случаѣ, даже в самые исключительные моменты человѣческой исторіи, каким, напр., является настоящая война. В настоящее время все больше и больше выясняется, что французскіе рабочіе, напр., вовсе не так легко пріяли войну, как это казалось вначалѣ. Многія провинціальныя рабочія организаціи в высшей степени враждебно относились и относятся к войнѣ, но онѣ ждали инструкцій от центра, — Конфедеральнаго Комитета, который рѣшил, что нужно воевать и выпустил соотвѣтствующее воззваніе. Многіе рабочіе с пѣной у рта говорят об «измѣнѣ» главарей, называют Жуо, напр., ренегатом, подкупленным правительством и т. п. Но дѣло тут не в Жуо и ему подобных, а в системѣ организаціи, которая требует серьезнаго пересмотра.

Л. И—ва.

Париж, 5 іюня. 1915 г.

СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЕ БУНТАРИ НѢМЕЦКОЙ ШВЕЙЦАРІИ

II

(Письмо из Цюриха)

В январѣ текущаго года стала выходить газета «Дер Революззер» (Бунтарь). Газета сразу заняла ярко- интернаціоналистическую позицію. Она безпощадно критикует всю ту гниль, которая так ярко обнаружилась в міровом рабочем движеніи в связи с нынѣшним кризисом. Она заговорила на новом для мѣщанской Швейцаріи бунтарском языкѣ. Мѣстное болото — и соціалистическое тож — заволновалось и испугалось. Для характеристики здѣшних нравов, отмѣтим слѣдующій интересный факт, сообщенный во втором номерѣ этой газеты. Для печатанія перваго номера издатели обратились в частную соціальдемократическую типографію, но им отказали, в виду тенденціи газеты. Им удалось напечатать первый номер в буржуазной типографіи, гдѣ им однако пришлось скрыть названіе газеты, указав только на радикальный характер ея. Однако, послѣ выхода перваго номера тот же предприниматель уже отказался печатать второй номер газеты. (Газета вначалѣ выходила ежемѣсячно, с пятаго номера она начинает выходить чаще). Издатели обратились затѣм в соціальдемократическія типографіи принадлежащія организаціям. Но им всюду отказали. Одни, потому что боялись потерять казенные заказы, другіе — потому что газета вносит «заблужденіе и разочарованіе» в рабочую среду. Нечего конечно, уже говорить, что и буржуазныя типографіи также отказались от этой газеты. Так, опросив 23 типографіи во всей нѣмецкой Швейцаріи, им пришлось перенести печатаніе цюрихской газеты на нѣмецком языкѣ, во французскую Швейцарію, гдѣ Бертони и его товарищи согласились ее печатать...

Препятствія, заграждающія путь этому изданію, не ограничиваются только этими трудностями. Полиція дѣлает все возможное, чтобы мѣшать распространенію газеты; но не одно только государство стоит на стражѣ «спокойствія». Характерен слѣдующій факт, приведенный в соціальдемократической газетѣ «Бернер Тагвахт» от 4 февраля 1915 года: «В кантональном цюрихском союзѣ печати было внесено со стороны **крайних лѣвых** предложеніе об усиленіи цензуры. По нашим достовѣрным свѣдѣніям, это предложеніе было сдѣлано **одним из редакторов Фолькрехт»...»** (Центральный орган с.-д. партіи).

Однако, издатели сумѣли преодолѣть всѣ эти препятствія и продолжают свое дѣло. У них уже имѣется нѣкоторое количество постоянных абонентов, и они скоро хотят перейти к двухнедѣльному изданію.

«Бунтарь» носит подзаголовок соціалистической газеты, хотя глубоко отличается от прочих соціальдемократических изданій. Ея основная задача заключается в том, чтобы внести элементы самопознанія в умы рабочаго класса. Рабочіе, осознавшіе свои классовые интересы и свое классовое положеніе, будут бороться только за дѣло своего освобожденія, не отдавая своих сил на закрѣпленіе своего рабства, как мы это видим теперь. На самом простом языкѣ мы находим в этой газетѣ трактованіе всѣх сложных вопросов рабочаго освобожденія.

И газета уже пріобрѣтает популярность в средѣ рабочих нѣмецкой Швейцаріи. По письмам рабочих-соціальдемократов в редакцію названной газеты, можно видѣть, как лидеры партійных и профессіональных организацій стараются скрыть от рабочих это изданіе, несмотря на запросы самих рабочих. Но тѣм быстрѣе газета прокладывает себѣ дорогу к этим рабочим. Она зовет их к сознательной борьбѣ за свое кровное дѣло. Она зовет рабочих к тому, чтобы они раз навсегда порвали **національныя узы**, сковывающія их волю, зовет к борьбѣ за полное освобожденіе. Она ставит себѣ цѣлью борьбу с тѣм, чтобы вымирающіе идеалы буржуазіи не всосались в пролетаріат. Главное значеніе этой газеты в той безпощадной критикѣ, которой она подвергает всѣ старые кумиры соціалистическаго движенія, стремясь к тому, «чтобы рабочее движеніе не переставало носить интернаціональнаго культурнаго характера и не приносило его в жертву выгодам реально-политическаго «приспособленчества». Словом, задача, поставленная себѣ этим первым в своем родѣ изданіем, это «сохраненіе революціонных и соціалистических идеалов в рабочем движеніи».

В появившихся до сих пор номерах, мы находим ряд агитаціонных и пропагандистских статей, затрагивающих различные вопросы, связанные с рабочим движеніем.

Мы имѣем здѣсь прекрасную критику идеи отечества для рабчих, патріотизма; дальше мы находим освѣщеніе отдѣльных тактических пріемов соціалистических партій, которые характеризуются теперь названіем соціаль-шовинизма. В одной из статей, озаглавленной «Выдерживать — сколько еще?» автор показывает, к чему может привести лозунг, брошенный большинством соціальдемократіи Германіи и поддерживаемый соціалистическими партіями других воюющих стран на свой лад. Как растет ежедневно гора жертв за дѣло угнетателей пролетаріата! 2000 новых трупов и 8.000 калѣк ежедневно! Человѣческій ум отказывается это обнять. И до коих пор «выдерживать»? До тѣх ли пор, пока от всѣх европейских армій останется семь монархов и один президент, которые на пирамидѣ из 20.000.000 солдатских черепов заключат мир?»

Эта статья, цифры которой краснорѣчивѣе всяких слов, заканчивается обращеніем к соціалистам воюющих стран, прекратить эту безсмысленную бойню. Ибо, как справедливо говорит автор, от этой политики «выдерживать» и «національнаго единенія» зависит продолженіе войны. Эта «политика» дает правящим классам в руки самый лучшій козырь для продолженія своего кроваваго дѣла.

В небольшой статьѣ невозможно передать содержаніе многих блестящих статей из этого органа. Нужно еще отмѣтить, что на страницах этой газеты мы находим правильную критику политическаго крохоборства соціальдемократіи. Всѣх еще занимает вопрос, почему рабочіе стали сразу воодушевленными вояками, несмотря на то, что нас отдѣляет всего 18 мѣсяцев с того момента, когда они в Базелѣ на конгрессѣ дали клятву бороться с войной за мир. Вот как об'ясняет эту перемѣну один рабочій:

«За послѣдніе два десятка лѣт рабочіе духовно и экономически развивались, они вели посредством своих организацій борьбу с предпринимателями и стремились посредством политической организаціи пріобрѣсти вліяніе на государство и городское самоуправленіе. Этим рабочіе пріобрѣли возможность глубже всмотрѣться в общегосударственное устройство и одновременно **стали болѣе связаны с государством** (курсив наш). Когда разразилась война, в рабочих проснулось чувство, которое мы мало наблюдали, или которое мы считали вымершим. Они, **презираемые, задавленные увидѣли вдруг особенность, благосостояніе, культуру** своей націи в опасности; в них пробудилось чувство національной солидарности и они воодушевленно стали под знамена». К этому автор прибавляет еще и кой-какія другія причины, как безработицу в воюющих странах, желаніе нѣкоторых рабочих хоть на миг почувствовать себя свободными от изнурительнаго фабричнаго труда и т. д. Таковы в общей сложности тѣ отвѣты на самый больной вопрос для рабочих: Почему рабочіе, даже сознательные рабочіе, пошли на войну?

В сущности, для нас в этом и весь вопрос. И несомнѣнно прав этот рабочій, автор вышеприведенной замѣтки, когда указывает, что рабочіе до сих пор связывали судьбу своего освобожденія с современным государством. В этом, без сомнѣнія, одна из главных причин кризиса рабочаго движенія. Интересы рабочаго класса противоположны интересам буржуазіи и ея исполнительнаго органа — государства. Так учили мы всегда. Так говорила и «революціонная соціальдемократія» в теоріи, но фактически она создавала для рабочаго класса иллюзію возможности его освобожденія, путем захвата пролетаріатом этого-же національнаго государства.

Всемірная катастрофа разбила эту иллюзію. Нѣсколько мѣсяцев безумной бойни сдѣлали больше, чѣм годы пропаганды. Перед рабочим классом теперь встают основныя задачи его освобожденія в их голом, неприкрытом видѣ. И первый основной урок этой жестокой судьбы гласит, что для дѣйствительнаго освобожденія рабочій класс должен ковать свои революціонныя организаціи не в зависимости и связи с государством, а против него. Рабочій класс силою вещей стал перед задачей интернаціональной классовой борьбы за свое полное и всестороннее освобожденіе.

Появленіе таких органов печати даже в Швейцаріи и поддержка их рабочими в противовѣс офиціальному запрету партіи, показывает, что в умах рабочих и соціалистов пробивают себѣ дорогу эти основныя идеи анархическаго коммунизма. В воюющих странах слабы пока еще трезвые голоса интернаціоналистов, но и там они пробивают себѣ дорогу. Пусть под знаменем «революціонного марксизма» в Германіи, просто марксизма в Англіи и синдикализма во Франціи, но это движеніе будет дѣйствительно революціонным только тогда, когда на нем будет начертан лозунг: Интернаціональная соціальная революція.

Вот почему нам нѣт надобности отчаиваться. Пусть все еще царит кругом мерзость, но появленіе всякой свѣтлой точки напоминает нам о тем, что близится час протрезвленія. Ибо дѣло соціальной революціи на очереди дня для пролетаріата.

Рабочій Альфа.

Люди XX-го вѣка

На вопрос: «сколько в Москвѣ церквей?» — у нас принято отвѣчать так: «сорок сороков».

Теперь, если-б меня спросили: «сколько у вас, в Лос-Анжелосѣ, русских сект, обряды и толкованіе евангелія которых различны?», то я, пожалуй, отвѣтил бы так: «да не меньше, чѣм в Москвѣ церквей».

— Здѣсь что за собраніе? — спрашиваю у одного.

— Это адвентисты-субботники.

— А здѣсь?

— Здѣсь баптисты.

— А здѣсь?

— Молокане.

— А здѣсь?

— Здѣсь тоже молокане... только эти отошли от тѣх...

И так, без конца.

Что представляют из себя люди, которые составляют эти секты? Как толкуют они священное писаніе? Как относятся они ко всему окружающему? Каковы их взгляды на жизнь других? — на всѣ эти вопросы я отвѣчу слѣдующими діалогами:

Діалог первый.

— Эх, Господи, сколько теперя народушку-то гибнет на войнѣ!

— Ничаво, Иван Савельевич, не сокрушайся: тому надлежит быть... По слову Божьему, всѣ эти нечестивцы должны быть истреблены... останутся на землѣ одни только праведники...

— А вѣдь там и наши есть... Неужели и наши сдѣлались нечестивцами?

— Наши.... но наши особь статья...

Разговор этот происходил между двумя молоканами в одной лавкѣ.

Діалог второй.

Всѣ воюющіе — грѣшники. Это наказаніе Бога за их грѣхи... теперь, братья, самое лучшее для нас время попасть в избранники божьи... согласны-ли, братья, чтобы к этому вопросу мы приготовились и потом обсудим его?

— Согласны!

Это происходило на собраніи баптистов.

Діалог третій

—Живете вы в Америкѣ вот уже по нѣсколько лѣт, а что вы знаете о здѣшней жизни? о борьбѣ рабочих с капиталом? Ничего. Кого полиція водила под конвоем, в качествѣ скебов, когда в Сан-Педро был страйк? Русских молокан. Кто у боссов выпрашивает работу, как милостыню? Молокане. Вѣдь вы не христіане... Развѣ христіане так дѣлают?

— Ишь ты, что поет.... хорошо вам бастовать, когда вы одинокіе, а вѣдь у нас цѣлая куча дѣтей... их надо кормить.... мы в Америку не бастовать, а работать пріѣхали... вы хотите получать 3 дол. в день, а нам **сходно** работать и за 2 доллара.

— Почему вы сбиваете цѣну? Идете к боссу и говорите: мистер босс! дай мнѣ джаб... « буду работать дешевле....

— Нужда, братец, заставляет. Ничаво не подѣлаешь...

Я думаю, что тебѣ нѣт и 30 лѣт, а дѣтишек уж кучу имѣешь. Думал-ли ты о чем-нибудь перед тѣм, как жениться?

— Хорошо, у вас закон таков, что вы, если не желаете, можете всю жизнь оставаться холостяками... А у нас этого нельзя. Как минуло 18 лѣт, так надо жениться. Таков обычай у нас. Против родителей не пойдешь, потому грѣшно.

Этот разговор, свидѣтелями котораго было человѣк 30, происходил возлѣ собранія субботников.

Діалог четвертый.

— Скажите, пожалуйста, что означает ваше прыганье, во время моленья?

— В это врем на нас Святой Дух сходит, — тот самый дух, что сходил на учеников Іисуса в 50-й день, послѣ его воскресенія... Вы, как невѣрующій, не повѣрите этому. Но это правда. Мы и сами не замѣчаем, как начинаем скакать и как перестаем... вы видѣли, как мы скачем... кто скачет шибче, руки вверх, на того дух сильнѣе сходит... Эх, если-б ты увѣровал, ты был-бы спасен! Погляди-ка, ты вот ходишь туманныя картины смотрѣть, на своих собраніях ты пляшешь и веселишься, — а кто тебя на это соблазняет? Дьявол. Вот ты и бороду обрил и усы, — это значит, что ты снял с себя лик Божій... В священном писаніи сказано: «не накладай лезвія на лицо твое» ....

Этот разговор происходил между мной и двумя молоканами, с которыми я работаю на лѣсном складѣ.

Подобных діалогов я мог бы привести не один десяток, но, думаю, что достаточно и этих, чтобы судить: какое невѣжество, какая темнота царит здѣсь, среди наших русских сектантов. А вѣдь всѣ они —люди семейные. Что дают они своим дѣтям? — Суди теперь, читатель сам.

Вы, вѣроятно, помните Щедринских головотяпов («Исторія одного города»). Головотяпами их прозвали потому, что они имѣли привычку обо все головой тяпать: попадет стѣна, о стѣну тяпают. Начнут молиться, — о пол тяпают.

И вот, смотря на наших русских сектантов, невольно закрадывается в голову вопрос:

— Уж не потомки ли они Щедринских головотяпов?

Анатолій Васильев.

ДОЛГ КАЖДАГО ТОВАРИЩА ПРІИСКИВАТЬ ПОДПИСЧИКОВ ДЛЯ «ГОЛОСА ТРУДА».

„ПОКАЙТЕСЬ И ИСПРАВЬТЕСЬ!"

(Из Питсбургской тюрьмы).

Это было в воскресенье, послѣ обѣда. Нам велѣли взять каждому обломок своего стула, который втеченіе недѣли служил подставкой для нар, а по воскресеньям молитвенным креслом, и собраться для бесѣды с богом, т. е. для молитвы.

Выгнали нас человѣк семьсот и разсадили рядами на площадкѣ, находящейся под куполом зданія и окруженной со всѣх сторон камерами. Желающим пѣть дали книжки с гимнами и велѣли сидѣть смирно. Против нас на подмосткѣ стояло піанино.

Ровно в два часа на платформу вышел сухопарый парень и стал играть на піанино. Пропѣв пару гимнов, сухопарый удалился, а на подмостках появился болѣе дородный агент божій. Это был человѣк средних лѣт, росту выше средняго, черные волосы его были гладко причесаны, а чисто выбритый подбородок перевисал через воротник его рубахи. Одѣт он был в дорогой костюм и хорошія ботинки, на пальцѣ его блестѣл золотой перстень, в манжетах и галстухѣ такія-же запонки и булавка.

Вот этот сытно упитанный и богато одѣтый человѣк стал проповѣдывать слово божіе. Прочитав главу из евангелія, он стал ее раз'яснять. Он горячо доказывал ничтожность тлѣннаго міра сего и рисовал великую картину будущей вѣчной жизни. Он призывал всѣх отречься от благ міра сего, ради благ будущей жизни. Он кричал: покайтесь и исправьтесь, иначе, вам не быть там, и при этом указывал рукой на небо. Стараясь повліять на слушателей, он приходил в такой экстаз, что чуть не рвал на себѣ одежду, чуть не ударялся головой о перила подмостков. Он то воздѣвал высоко руки к верху, то присѣдал до самой земли, бил себя кулаком в грудь, ломал руки. Он вдруг начинал так кричать, что окна дребезжали в зданіи, а потом постепенно понижал и понижал голос и, наконец, доходил то такой низкй ноты, что писк его голоса, как писк придавленнаго мышенка, едва был слышен.

Человѣк, мало знакомый с тактикой их ораторскаго искусства, легко мог принять это за чистую правду, мог думать, что этот проповѣдник искренне предан своей идеѣ, вѣрит в ея святость и поэтому так ревностно распространяет ее между другими. Я сомнѣвался, — я мало вѣрил в его искренность. Слушая его завыванія, я в то же время смотрѣл на окружающую меня толпу. Это были не люди, а какія-то тѣни. Измученныя, исхудалыя, желто-синія лица их были покрыты каким-то диким мохом; грязныя и ветхія одежды их от дряхлости порасползались и сквозь прорѣхи было видно голое тѣло. Из растрепанных ботинок торчали голыя ноги, у других ноги было обвернуты тряпками, были и совсѣм босые. Угрюмо понуря головы, они печально смотрѣли вниз.

Что же это за люди? Что они сдѣлали преступнаго и за что они томятся здѣсь? За мое пребываніе здѣсь, мнѣ пришлось основательно побесѣдовать болѣе чѣм с сотнею этих «преступников». Из добытых мною свѣдѣній, можно сдѣлать слѣдующій вывод: двадцать процентов этих людей сидѣли за то, что не имѣя ни работы, ни денег, —многіе из них притом неспособные к труду-калѣки, — не желая воровать и не желая умирать с голоду, просили милостыню; другіе 20 процентов — за то, что оборванные, не имѣя пристанища, шлялись по городу и ночевали в парках, под заборами и в товарных вагонах; еще 20 процентов за то, что ѣздили товарными поѣздами, или переходили через желѣзнодорожный путь в неуказанном мѣстѣ; 7 процентов — за то, что, не имѣя болѣе силы воли бороться за свое жалкое существованіе, рѣшили уйти из этого превратнаго міра, рѣшили наложить на себя руки; остальные сидѣли за пьянство, мелкое воровство и т. д.

И вот этих нагих, голодных и бездомных страдальцев собрали с улиц, парков, товарных вагонов и пригнали в это огромное, каменное, мрачное зданіе, бросили в темныя, сырыя камеры на холодный цементный пол, кормили втеченіе недѣли черствым хлѣбом и водой, а на седьмой день выгнали на эту площадку и стали им читать мораль о духовных потребностях человѣка, о богѣ и о загробной жизни, стали им кричать: «покайтесь и исправьтесь!» А они, эти жалкіе рабы, эти пасынки міра молча сидѣли, повѣся нос, и слушали с умиленіем эту мораль, сокрушались о своих грѣхах и вздыхали о том, что не попадут в рай; а болѣе сентиментальные, проникшись чувством «раскаянія», хныкали и утирали грязными тряпками глаза.

С тоской я смотрѣл на эту картину, смотрѣл, как люди глумились над людьми, и ум мой отказывался разобраться в окружающем меня. Я не мог понять, в чем могут каяться эти люди. В чем может покаяться голодный, просящій хлѣба, нищій, ходящій оборванным, бездомный, ночующій под забором. Как эти люди могут исправиться, если им ѣсть не дают, одежды не дают, не дают пристанища и работы. Исправиться, значит, не дѣлать того, что дѣлал раньше; а что же дѣлать этим преступникам, гдѣ им найти выход из своего положенія. Для того, чтобы исправиться им больше ничего не остается дѣлать, как броситься в рѣку или под паровоз, но, как мы знаем, и это не всегда удается, — найдется какой-либо благодѣтель, спасет его и опять его потащат в это зданіе и опять будут ему кричать: «покайся и исправься!».

П. Бреский.

(Окончаніе слѣдует).

Контора газеты «Голос Труда» просит всѣх подписчиков своевременно сообщать о перемѣнѣ адреса, а не получающих газету, извѣщать об этом, для заявленія почтѣ их претензій.

Нью-Іоркская Хроника.

Союз Р. Р. в Нью-Іоркѣ устраивает дискуссію в пятницу, 2-го іюля, в 8 час. вечера, в Касино Голл, 85 Е. 4 ул. Тема: «Націонализм и рабочій класс».

Докладчик тов. Ярошевскій. Свободная дискуссія. Просим всѣх товарищей явиться.

Секретарь **Д. Рохлис.**

Союз Р. Р. в Бронзвиллѣ устраивает свои собранія каждую среду в помѣщеніи 296 Сэкман стрит, угол Питкин авеню. Там же бывают чтенія, рефераты и т. п. Начало в 8 ч. вечера.

В субботу, 3-го іюля, в 7 ч. веч. в Касино Голл, 85 Е. 4 ул., «Общество Взаимопомощи Русских Рабочих в Америкѣ» (организованное русскими бренчами юніонов мужских и женских портных) созывает массовый митинг русских рабочих всѣх отраслей производства.

Комитет Общества.

ДЕТРОЙТ, МИЧ.

Союз Р. Р. устраивает серію лекцій в Стаблер Голл, угол Бубьен стрит и Медиссон.

В воскресенье 4-го іюля — «Анархизм и рабочее движеніе»; в воскресенье 11-го іюля — «Всеобщая забастовка и соціальная революція»: в воскресенье 18-го іюля — «Саботаж».

Послѣ лекціи дискуссія. Лектор тов. П. Рыбин. Вход безплатный.

ЧИКАГО.

В пятницу, 2-го іюля, в помѣщ. «Ход Керіерс Голл», 814 Гариссон авеню, угол Грин стрит, **Елизавета Флинн** прочтет лекцію на тему «Женщина и рабочее движеніе».

Начало в 8 час. вечера. Вход 10 центов.

Во вторник, 6-го іюля ,в Викер орн Голл, 2040 Вест Норд авеню, угол Мильвоки авеню, состоится послѣдняя лекція Е. Флинн в Чикаго. Тема лекціи: «Саботаж». Начало в 8 ч. вечера. Вход 10 центов.

Там же и на тѣ же темы будут говорить: А. Тобинсон по-русски и Б. Шрегер по-польски.

СѢЮЩІЕ ПЛЕВЕЛЫ

(Из жизни Русско-Польскаго бренча клоукмейкеров).

На протяженіи исторіи рабочаго движенія в Америкѣ и в частности среди наших русских рабочих часто встрѣчаешь характерные примѣры, которые лучше всякой словесной теоріи учат рабочаго постигать справедливость элементарно-простых, но глубоко логических и вѣрных истин, которыя должны быть положены в основу классовой борьбы.

Эти истины вслѣдствіе своей непреложности должны, казалось бы, стать символом вѣры каждаго рабочаго, главной заповѣдью его жизни.

Однако, в дѣйствительности мы видим, как не только отдѣльные рабочіе, но даже цѣлыя рабочія организаціи забывают, а, может быть, и совсѣм не знают об'этих заповѣдях, за что и платятся иногда очень жестоко. И лишь только тогда на горьком опытѣ убѣждаются в своих ошибках.

Одной из таких истин служит тот принцип, в силу котораго рабочіе, об'единяясь в свою классовую организацію, должны заботиться о взаимной поддержкѣ между всѣми рабочими.

«Всѣ за одного и один за всѣх!» Это значит, что во всяком конфликтѣ (столкновеніи) труда с капиталом всякій рабочій должен становиться на сторону трудящихся, а не хозяев.

Этот, до очевидности простой и в то же время важный принцип, забыли члены Русско-Польскаго Бренча Юніона Клоукмейкеров.

Когда в «Русском Словѣ» (г. Окунцева) началась забастовка наборщиков, организаціонный комитет бренча вынес рѣшеніе, что он, как организація профессіональная, считает своей святой обязанностью поддержать рабочих «Р. Сл.», об'явивших борьбу хозяева.

Бренч на общем собраніи единогласно принял рѣшеніе организаціоннаго комитета и постановил не помѣщать в «Р. Сл.» никаких об'явленій и статей, вплоть до полной побѣды наборщиков.

Однако, не прошло и трех мѣсяцев, как г. Гринько (бывшій тогда секретарем бренча), большой пріятель г Окунцова, впослѣдствіи ставшій таким же пріятелем Гаврилы Доброва, самовольно отмѣнил рѣшеніе бренча, начать писать в «Русском Словѣ».

Тогда я, пишущій эти строки, повел открытую борьбу в бренчѣ против газ. «Русское Слово», как скэбской, а также против г. Гринько, как нарушителя постановленій бренча и предателя интересов рабочаго класса.

Но послѣ довольно продолжительнаго времени я должен был убѣдиться, что борьба эта безполезна, так как большинство членов бренча представляли собой совершенно темную массу, далекую от способности осознать свои классовые интересы.

Я рѣшил выйти из бренча, надѣясь, что моему примѣру послѣдуют и другіе из болѣе сознательных товарищей и тѣм заставят других задуматься над своими антитоварищескими поступками.

По моем уходѣ (29 мая 1914 г.) т.т. Станкевич, Новик (чл. т-ва «Н. М.») и нѣкоторые другіе начали вести борьбу, но не против «Русскаго Слова», а лишь против г. Гринько.

Между тѣм Окунцев не дремал: под шумок, без особенной помѣхи, он стал «приручать» к себѣ Рус.-Польск. Бренч, подчиняя постепенно его своему вліянію.

В результатѣ проповѣдей г. Окунцева получилось то, что бренч, порвав договор с «Нов. Міром», перешел всецѣло в «Рус. Слово», что и требовалось г. Окунцову.

Однако, ведя свою предательскую политику, г. Окунцев до поры до времени совершенно не трогал ни Новика, ни Станкевича, ни другіе болѣе сознательные элементы бренча, которые стали тѣм временем занимать видные в бренчѣ мѣста: Новик занял мѣсто секретаря и, м. б., с радости, стал писать в «Русском Словѣ»; Станкевич стал предсѣдателем.

Такое положеніе вещей, однако, еще не удовлетворяло г. Окунцева; его демагогическія вожделѣнія шли дальше. Когда вліяніе его в Р.-П. Бренчѣ окрѣпло, он, не задумываясь, рѣшил выбросить и своих бывших союзников — Новика и Станкевича, (как могущих встать ему когда либо поперек дороги), чтобы окончательно дать возможность произрасти тѣм плевелам розни, которые он в теченіе долгаго времени с таким усердіем сѣял между рабочими, подобно тому, как сказано о том в евангельской притчѣ.

Одурманенные завываніями г. Окунцева, послушные его указкѣ, члены бренча, не долго думая, удалили от дѣл Новика и Станкевича, как только г. Окунцов потребовал этого.

Но вліяніе г. Окунцова на этом не кончилось, оно, как увидит читатель, принесло еще болѣе пышные плоды. Организаціонный комитет бренча рѣшил созвать массовое собраніе всѣх своих членов с намѣреніем повести борьбу против лидеров юніона, при чем об'явленія об этом митингѣ рѣшил помѣстить не только в «Русском Словѣ», но даже в поповско-черносотенных газетах: «Рус. Эмигрант», «Свѣт» и «Правда», чего никогда до сих пор не случалось.

На вопрос секретаря, слѣдует ли помѣстить об'явленія в «Нов. Мірѣ» и «Гол .Труда», комитет отвѣтил, что **газеты эти соціалистическія, а потому, мол, мы с ними не должны имѣть ничего общаго.**

Мало этого, — тот же юніон рѣшил поставить юніону ультиматум: если юніон не удовлетворит требованій юніона, то послѣдній обратится к министру внутренних дѣл (не Россіи ли?) или же к гражданскому суду Соед. Штатов Америки.

Не обошлось дѣло и без курьезов.

Так как среди комитета не нашлось человѣка, который мог бы перевести ультиматум бренча на англійскій язык, то предсѣдатель Нестеров заявил, что он обратится за этим к русскому консулу.

В субботу 19 іюня избранный бренчем комитет явился на собраніе Центральнаго Комитета юніона клоукмейкеров, заявив, что они являются делегатами бренча.

Их, конечно, пригласили войти и приступить к дѣлу. Но тут оказалось, что у делегатов не хватает одного человѣка, без котораго они ни как не хотѣли начать свои об'ясненія.

Члены Ц. К. предоставили им возможность обождать недостающаго и занялись разсмотрѣніем текущих дѣл.

Прошел час. Освободившись от текущих дѣл, члены Ц. К. пригласили делегатов вторично. Но так как ожидаемый член комиссіи еще не явился, то комиссія вторично отказалась изложить суть дѣла

Когда засѣданіе Ц. К. было закрыто, явился долгожданный делегат. Оказалось, что это был г. Нестеров, дожидавшейся в передней консула в качествѣ просителя по поводу перевода злополучнаго ультиматума и потому опоздавшій.

Конечно, делегатам бренча, напоминавшим в эту минуту собой депутацію пошехонцев к воеводѣ, об'яснили, что собраніе Ц. К. уже закрыто и открывать его вторично, спеціально для них, никто не обязан.

Тѣм не менѣе комиссія во главѣ со своим запоздавшим предсѣдателем рѣшила, что Ц. К. умышленно закрыл свое собраніе, не желая принимать комиссіи и обезкураженные делегаты чуть было не устроили членам Ц. К. форменнаго погрома.

Нельзя не смѣяться, но в то же время нельзя и не пожалѣть Русско-Польскій Бренч.

Конечно, о большинствѣ бренча, представляющем из себя совершенно темную публику, не понимающую своих классовых интересов, говорить не приходится. В силу этой темноты и косности, под вліяніем таких «печальников» рабочаго класса, как г. Окунцев, бренч из большой и сильной организаціей превратился в безформенную, безтолковую массу с оттѣнком черносотенства.

Еще менѣе интересно говорить о самих мракобѣсах Окунцевых, у которых на первом планѣ собственная выгода. Если во имя этой выгоды им удастся разрушить или испакостить не одну рабочую организацію, а десять, — они будут только рады.

Но поймут ли, наконец, Новики, Станкевичи и другіе болѣе или менѣе умственно развитые товарищи, что помогать хозяевам в их борьбѣ с рабочими — значит идти против рабочих?

А, поняв, постараются ли исправить в будущем свои ошибки, за которыя приходится расплачиваться не одному или двум, а цѣлым тысячам рабочих?

Клоукмейкер **А. Рашевскій.**

Почтовый Ящик.

С. Р. Р. в Балтиморѣ, Нью-Іоркѣ и др. Резолюціи о созывѣ с'ѣзда и о Портландском Союзѣ за недостатком мѣста будут помѣщены в слѣдующем номерѣ.

ПОСТУПИЛО С 22 ПО 29 ІЮНЯ: В ФОНД «Г. Т.»

Из Кіева, Н. Дак. от А. Гостищева 50 с.

Из Детройта, Мич. Через Союз Р. Р. от Ф. Иванова, Ф. Бельмаса, С. Житкова, П. Питерса по 1 дол. и К. Савицкаго 50 с.

Из Истона, Па. От П. Чеснокова 1 доллар.

Из Филадельфіи, Па. От Союза Р. Р. 1 д. 25 с.

Из Нью-Іорка. От Издательской Группы «Г. Т.» 2 д. 50 с.

Всего за недѣлю 9 дол. 75 с.

Кассовый отчет Издательской Группы «Голоса Труда» с 1 мая по 1-ое іюня 1915 года.

ПРИХОД:

Оставалось	212.21
Поступило:	
За подписку на «Г. Т.»	44.19
От продажи «Г. Т.»	56.69
За литературу	87.81
За об'явленія	27.12
Для «Рабочаго Знамени»	.50
Вспомоществованій.	
С. Р. Р. в Бруклинѣ	8.84
С. Р. Р. в Бронзвилѣ	13.11
С. Р. Р. в Филадельфіи	3.80
С. Р. Р. в Чикаго	5.50
С. Р. Р. в Дтройтѣ	15.00
С. Р. Р. в Питсбургѣ	13.72
Литературнаго О-ва в Сиднеѣ, Австралія	9.74
Издательской Группы «Г. Т.»	11.00
Разных лиц	75.63
В фонды	
Литерат.-революціонный	7.90
Агитаціонный	10.99
Федеративный	4.71
За членскія книжки	1.35
Итого за май	$397.60
Всего с остатком	$609.81

РАСХОД:

На набор, бумагу и печатаніе №№ 35, 36, 37 и 38	140.58
На наем помѣщ. с освѣщ.	8.00
На жалованье редактору за 5 недѣль	64.00
На жалованье секретарю за 5 недѣль	50.00
На почтовые расходы	34.06
На упаковку и доставку газеты в почтамт	21.30
На литературу	39.65
Из фондов:	
Литературно - революціоннаго (переслка литературы)	1.62
Федеративнаго (перес. корреспонденціи)	.36
Всего в расходѣ	$359.57
К 1 іюня состоит в остаткѣ	$250.24

Из них числится: в литературно-революціонном фондѣ 152.23, в агитаціонном 52.89 и в федеративном 45.21.

Примѣчаніе 1-ое. Перечислено из фонда «Г. Т.» 15.06, на пополненіе позаимствованных из литературно-революціоннаго фонда 75.32. Дефицита по изданію «Г. Т.», подлежащаго возврату в литературно-революціонный фонд 60.26.

Примѣчаніе 2-ое. Причитается типографіи, в счет предоставленнаго Издательской Группѣ кредита, за 27 номеров 405.00.

ДЛЯ ЖИВУЩИХ В БРОНКСѢ и желающих имѣть домашнюю стирку бѣлья с полной гарантіей за чистоту и цѣлость бѣлья рекомендуется обратиться письменно через контору «Г. Т.» для **А. П.**

Лучшія в Америкѣ 5с. папиросы с мундштуками
ПРОДАЮТСЯ ВО ВСѢХ ТАБАЧНЫХ МАГАЗИНАХ.

Вѣчное перо с „держателем", гарантированное 14 кар. золота.
БЕЗПЛАТНО ЗА 75 ЦѢЛЫХ КУПОН. ИЛИ КРЫШ.

Роговый перечинный нож с двумя ножами.
БЕЗПЛАТНО ЗА 60 КУПОНОВ ИЛИ КРЫШЕК.
(Это предложеніе в силѣ до 31-го декабря 1915 года).

Никкелевые ЧАСЫ Гарант на 1 год фабрикой „Ансонія Клок Ко." ЗА 125 КУПОНОВ ИЛИ КРЫШЕК

Посылайте купоны по почтѣ (не парсел пост) или экспрэссом.
NEBO DEPARTMENT, 95 First St., Jersey City
P. LORILLARD CO., Inc., New York. Estab. 1760.

В КВАРТИРѢ ПЕТРОВИЧА отдается небольшая, но очень удобная комната. Домашніе ужины.
661 E. 170th St., Bronx, N. Y.

CHICAGO, ILL.
РУССКІЙ ЗУБНОЙ ВРАЧ
Д-р Г. А. Гоноров
Принимает ежедневно.
Адрес: 1346 Саут Голстэд стрит, Между Мэксвел и 14-й ул.
Номер телефона — Канал 538.

Телефон Орчард 5461
Casino Hall
85 E. 4th St., New York
Большія залы для свадебных вечеров, балов, собраній и т. д.
M. Drosnes, Prop.

ХАКОДАТЭ, ЯПОНІЯ.
РУССКАЯ ЧАЙНАЯ
„ТРЕЗВОСТЬ"
Н. Ѳ. ПАВЛОВА
завтраки — обѣды — ужины
Получаются русскія газеты
Улица Кайшомачи № 49
Близ Конторы Дембн и Ко

КУНАРД ЛАЙН
(Cunard Line)
Регулярное и безпрерывное сообщеніе.
Пароходы из Нью-Іорка в Ливерпуль каждую субботу.
Пріем русских пассажиров до Петрограда.
Русскія женщины, дѣти и лица не принимающія участія в войнѣ, имѣющія соотвѣтствующія бумаги, принимаются как пассажиры в Соед. Штаты из финляндских портов Гельсингфорса и Ганге.
Проѣзд до этих портов производится на счет самих пассажиров.
За всѣми дальнѣйшими указаніями и справками относительно цѣн, времени отбытія пароходов и т. п. обращайтесь к нашим уполномоченным агентам.

Страйк в Русском Словѣ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ И ГАЗЕТА НАБИРАЕТСЯ СКЭБАМИ.
Забастовочный Комитет Интернац. Союза Наборщиков № 83.

Детройт! Детройт!
в Субботу, 10-го Іюля, 1915 г.
в Arbeiter Hall
Russel Corner Catherine Street
СОЮЗ РУССКИХ РАБОЧИХ
устраивает
КОНЦЕРТ и ПИКНИК
ТАНЦЫ ДО 2-х ЧАСОВ УТРА.
ЦѢНА БИЛЕТА 25 с. НАЧАЛО В 4 ч. ДНЯ.
Весь доход поступит в пользу «Голоса Труда».

Продолжается подписка на прогрессивную газету
«ВЕЛИКІЙ ОКЕАН»
ИЗДАЮЩУЮСЯ ТРИ РАЗА В НЕДѢЛЮ
Под редакціей А. П. Щербака
УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

В С.-Франциско на год	3.00;	6 мѣс. — 150;	3 мѣс. — 1.00
Соед. Шт. и Мексико на год	2.50	6 мѣс. — 1.25;	3 мѣс. .80
Заграницу и Канаду на год	3.00	6 мѣс. — 1.50;	3 мѣс. .90

"PACIFIC OCEAN", 340 SANSOME ST. SAN FRANCISCO, CAL.

Балтимора Балтимора
в Субботу, 3-го Іюля, 1915 г.
В ЛИБЕРТИ ПАРКѢ
СОЮЗОМ РУССКИХ РАБОЧИХ
устраивается
ПИКНИК
75 % чистаго дохода поступит в пользу «Голоса Труда».

ЮНІОННАЯ
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ
ЮНІОННАЯ
АФИШИ, ЛЕТУЧКИ, ПРОГРАММЫ, КНИГИ, БРОШЮРЫ, ГАЗЕТЫ, ЖУРНАЛЫ.
Изящное выполненіе заказов. Умѣренныя цѣны.
Для рабочих организацій значительная уступка на всѣ работы
The LANGUAGE PRINTERY
344-348 WEST 38th STREET
'Phone, Greeley 1658 NEW YORK, N. Y.

Книжный Магазин
М. Н. МАЙЗЕЛЯ
ОПТОВАЯ И РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА РУССКИХ КНИГ
— Каталоги высылаются по требованію безплатно. —
Max N. Maisel, 424 Grand St. N. Y.
Bookseller, Publisher and Importer

РУССКАЯ ЮНІОННАЯ
Типографія
LIFSHITZ PRINTING CO.
217 East Broadway, New York
English, Jewish and Russian Lynotype for the trade

ЗУБНОЙ ВРАЧ.
A. Brusilowsky
1031 East New York Avenue
Bet. Howard and Barret
Brooklyn

ПОМНИТЕ! ПОМНИТЕ!
в Субботу, 10-го Іюля
Экскурсія по рѣкѣ Гудзону
устраивается
Анархическим Красным Крестом
ВЕСЬ ДОХОД ПОЙДЕТ В ПОЛЬЗУ ССЫЛЬНЫХ И ЗАКЛЮЧЕННЫХ ТОВАРИЩЕЙ В РОССІИ.
Пароход отойдет от пристани на Маркет стрит в 3 часа дня ЦѢНА БИЛЕТА 50 СЕНТОВ
ЮНІОННЫЙ ОРКЕСТР ПОД УПРАВЛЕНІЕМ ПРОФ. ШУЛЛЕРА.